

Н.Г. Шаймердинова

ОБРАЗ ЖЕНЩИНЫ В РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ

THE IMAGE OF A WOMAN IN RUNIC INSCRIPTIONS. CONTINUITY OF TRADITIONS

В статье отмечается, что благодаря гендерной политике многогранна и многоаспектна деятельность современной женщины в жизни общества. Тем не менее, основной природный дар женщины – быть матерью, воспитывать детей, сохраняя исторические традиции и обычаи, запечатленные в письменных рунических памятниках. В древнетюркских рунических памятниках образ женщины-матери является одним из важных составляющих древнетюркской картины мира. В памятниках содержится собирательный образ женщины: богини Умай, олицетворяющее женское начало, плодородие, покровительнице новорожденных; катун как социально-политического статуса женщины, женщины-матери как хранительницы домашнего очага.

Ключевые слова: гендерная политика, деятельность женщины, женщина-мать, рунические памятники, картина мира, Умай, катун, хранительница, очаг.

In the article it is noted that thanks to gender policy, the activity of modern woman in the life of society is multifaceted and multi-dimensional. Nevertheless, the main natural gift of a woman is to be a mother, to bring up children, preserving the historical traditions and customs written in runic inscriptions. In ancient Turkic runic inscriptions, the image of a woman mother is one of the important components of the ancient Turkic worldview. The manuscripts contain a collective image of a woman: the goddess Umai, personifying the feminine principle, fertility, the patroness of newborns; katun as a socio-political status of a woman, a mother woman as a preserver of the hearth.

Keywords: gender policy, activity of a woman, mother-woman, runic inscriptions, worldview, Umai, catun, keeper, hearth.

Шаймердинова Нурила Габбасовна – доктор филологических наук, профессор ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Роль женщины в жизни социума в истории и современности была и остается одним из ключевых вопросов различных культур и народов, несмотря на то, что в историческом прошлом внимание на проблеме не акцентировалось. Активная гендерная политика Запада дает возможность и Востоку демократизировать отношение к женщине. Сегодня на Западе, и на Востоке никого не удивляет многоаспектная и многогранная деятельность женщины как политика, общественного деятеля, ученого, испытателя, инженера, врача, учителя и т. п. Тем не менее, главный природный дар женщины во все времена и эпохи – это семья и дети. Известно, что чем крепче семья, как ячейка общества, тем крепче и сильнее народ и государство. В данном контексте в древнетюркской культуре и в рунических памятниках раннего средневековья, являющихся культурным достоянием тюркских народов, в т. ч. казахского народа, **образ женщины-матери** является одним из важных составляющих древнетюркской картины мира.

Рунические памятники Орхонские, Енисейские, Семиречинские, Таласские, будучи письменными источниками раннего средневековья, содержат информацию об исторических событиях и действительности, традициях и обычаях, языке эпохи тюркских каганатов. Особое место в памятниках занимают женские образы, характеризующие древнетюркскую картину мира. Памятники письменной и материальной культуры эпохи древнетюркских каганатов и более поздних времен свидетельствуют о том, что в древнетюркском социуме наблюдалось уважение к женщине. Тюрки воздвигали каменные скульптуры женщинам в поминальных комплексах наряду с мужскими изваяниями (скульптура Кутлук-кагана и его жены, Бильге-кагана и его жены, Кюль-тегина и его жены и т. д.), также не персонифицированные женские изваяния в этих комплексах [1, с. 117, 217, 279]. Многочисленные персонифицированные и не персонифицированные женские скульптуры или «каменные бабы» находились исследователями на территории Южной Сибири, Монголии, Средней Азии. Так, Д. Г. Мессершмидт, первооткрыватель памятников «с загадочными знаками» в Хакасии (позже определенных как рунические), в местечке Есь-Бельгыр обнаружил изваяние, высеченное из серого песчаника, за спиной у статуи были толстые, сплетенные из конского волоса косы, похожие на те, что носили местные женщины. Хакасы называли изваяние «Большая каменная старуха» или «Мать всех матерей». Д. Мессершмидт записал в дневнике, что хакасы оказывали старухе-статue большой почет, в определенные дни месяца приносили к прародительнице пищу, речную гальку и деревянные амулеты, которые побывав подле менгира, якобы приобретали особую мистическую силу [2, с. 14]. В 1954 г. Улуг Ху тас была вывезена в краеведческий музей г. Абакана, позже (2003 г.) возвращена на исконное место, и современные хакаские женщины до сих пор поклоняются изваянию.

В письменных памятниках образ древнетюркской женщины проявляется в нескольких аспектах, что отразилось в текстах рунических памятников: **ᠤᠮᠠᠢ** *Umai*, **ᠤᠷᠠᠭᠠᠳᠤ** *urayut/urawut/uraut*, **ᠡᠭᠦᠢ**, **ᠲᠢᠰᠢ** *tiši*, **ᠰᠠᠲᠤᠨ** *qatun/hatun*, **ᠠᠭᠠᠨᠠ** *apa/ana*, **ᠬᠢᠷᠬᠢ** *qyz*, **ᠶᠠᠨ** *sigil*, **ᠪᠠᠯᠳᠠᠶ** *baldyz*, **ᠤᠭᠡᠭᠡ** *ögej*, **ᠵᠡᠭᠡ** *jenge*, **ᠬᠡᠯᠢᠨ** *kelin*, **ᠡᠭᠠᠲ** *egät*, **ᠶᠠᠴᠠ** *qyrqyn*, **ᠬᠡᠭᠡ** *küŋ*. Данные лексемы позволяют определить модель образа древнетюркской женщины. **ᠤᠮᠠᠢ** *Umai* – воплощение религиозных начал; **ᠤᠷᠠᠭᠠᠳᠤ** *urayut/urawut/uraut* от *-ur* «зачать, рожать, приносить потомство» – обозначение женской природной сущности («самка», способная к зачатию и деторождению) [3, с. 520]. **ᠡᠭᠦᠢ**, **ᠲᠢᠰᠢ** – общее родовое понятие «женщина», где **ᠡᠭᠦᠢ** образовано от пратюрк. *ew/eb* «жилище» + *či* «лицо по занятию», а **ᠲᠢᠰᠢ** в значении «женщина» сохранилось в современных тюркских языках Сибири. Социально-политические смыслы модели обозначают лексемы **ᠰᠠᠲᠤᠨ** *qatun* («царица»), **ᠬᠢᠷᠬᠢ** *qyz* (синкретичное именование ребенка женского пола – «дочь», «девочка», «девушка»), **ᠶᠠᠨ** *sigil* (младшая сестра); социальное неравенство женщин в древнетюркском мире обозначают **ᠡᠭᠠᠲ** *egät* («служанка»), **ᠶᠠᠴᠠ** *qyrqyn* («наложница»), **ᠬᠡᠭᠡ** *küŋ* (рабыня). Лексемы **ᠠᠭᠠᠨᠠ** *apa(i)* («мать»), **ᠪᠠᠯᠳᠠᠶ** *baldyz* («младшая сестра жены»), **ᠤᠭᠡᠭᠡ** *ögej* («без матери»), **ᠵᠡᠭᠡ** *jenge* («жена старшего брата»), **ᠬᠡᠯᠢᠨ** *kelin* («невестка») и др. выражают семейно-родственные связи, в которых женщина представлена как мать-хранительница очага.

Главная идеология древнетюркских кочевых и полуседлых государств проявляется в их верховных божествах Тенгри и Умай **ᠲᠡᠩᠭᠢ** *tenγi*, покровителей верховных правителей таких, как Кутлук-каган, основателя второго тюркского каганата [4, с. 37]; Тоньюкука, мудрого советника трех каганов; покровителей древнетюркских воинов, их побед и удач: «*Войско их состояло из трех тысяч, нас было две тысячи. Сразились. Благодаря милости Тенгри и Умай мы победили*» [1, с. 318]. В культуре древних тюрков Умай олицетворяет женское начало, является богиней плодородия, новорожденных, хранительницей очага: «*Наша прародительница, госпожа наша Умай...*» [5, с. 81]. Тюркские царицы в своих благоденствиях сравнивались с Умай («*моя мать-царица, подобная Умай*»). У тюрков Южной Сибири с культом Умай были связаны изображения лука и стрелы. По легенде, Умай

стреляет из лука в злого духа, который приближается к ребенку. Позже в кимако-кыпчакскую эпоху образ Умай, как женского божества и покровительницы детей, воплощается в женских каменных изваяниях Семиречья и Киргизии. В культуре современных тюркских народов (казахского народа) образ доброты, женского счастья, любви к детям связан с образом Умай.

В древнетюркской картине мира важное место занимает социально-политический статус женщины в виде образов цариц *катун* (*qatun/hatun*), жен каганов, которые в социальной иерархии древнетюркских кочевых государств занимали второе место после верховного правителя. Слово *qatun* образовано от *-qat* «присоединять, прибавлять» и деривата *-un* в значении «принадлежать» (ср. *kel* + *-in*). Отсюда *qatun*, «лицо» или «женщина», принадлежащая кагану. Известно, что в случае гибели кагана катун, будучи сюзереном малолетнего сына, могла править подвластным народом. Находясь рядом с каганом, мудрая катун не только отслеживала семейно-бытовые отношения, но и создавала благоприятные условия для внутренней и внешней дипломатии правителя. В некоторых современных тюркских языках (*кбалк.*, *кум.*, *башк.*, *ккалп.*, *кирг.*, *каз.*) семантика *катун* претерпела изменения. Так, современное казахское *катын* имеет пейоративный сниженный смысл, просторечно-оценочное значение «баба» (*анакатын*, *катын-калаш* и т.д.). Напротив, уйгурское *хотун/хотунлар* и узбекское *хатин/хатинлар* сохранили связь с древнетюркским *катун*, обозначая социальное положение женщины: «Хотинлардунеси» («Женский мир»). Другой факт социально-политической роли женщины, отраженный в памятниках: это выдача замуж женщин из знатных семей (*qyz, sinil*) за ханов и каганов, родового знати и даже врагов как акт политической сделки, скрепленный семейными узами: «*был Барс-бег, мы в то время даровали ему титул кагана и дали ему в супружество мою младшую сестру – княжну*» [4, с. 38]. В китайских династийных источниках отмечается участие в политическом процессе китайских «царевен», выданных замуж за тюркских правителей.

Главным женским образом в рунических памятниках является женщина-мать *ара/ана* как хранительница очага, воспитатель детей, сыновей-воинов: 1) «*Десять (лунных) месяцев носила меня мать, родился я мальчиком, вырос мужчиной*» [5, с. 72]; 2) «*Десять (лунных) месяцев носила (меня) мать, принесла моему государству, для доблести я возмужал*» [5, с. 81].

Основная роль женщины (независимо от социального статуса: знатная ли царица «катун» или жена рядового кочевника) – быть матерью. В суровых условиях походов и сражений, кочевого образа жизни важной задачей для древнетюркской матери была задача подготовить сына-мальчика к обряду инициации (к первой охоте, первому походу), необходимости воспитать из мальчика воина-мужа (𐰚𐰽 «ер»). И мальчики, выросшие в раннем возрасте, проходили школу мужества. Отсюда в текстах: «*вырос мужчиной*», «*для доблести я возмужал*», «*в десять лет для (т.е. на радость) ее величества моей матери-катун, подобной Умай, мой младший брат получил геройское имя Кюльтегин*» [3, с. 40]; «*... в 7 лет убил джейрана, в 9 лет убил свирепого кабана*» [2, с. 345]. Таким образом, Кюльтегин (символ мужественного воина эпохи тюркских каганатов) почетное звание ер имел в 10 лет, Куличор – в 7 лет. В современных тюркских языках древнетюркское *ана* получило широкое семантическое развитие в целом ряде значений: *мать, бабушка, тетка, свекровь, теща*. В ряде языков произошла палатализация гласных с сохранением первичного значения: тур. *anne*, аз. диал. *ānnā*, турк. *ene*, балк. *ānna*, тат. *ānnā*, башк. *inā*; кум., ккалп., каз. *ene*, каз. диал. *Ānī*; кирг., алт. *ena*, хакал. *chuv. anne*.

В семейно-бытовых отношениях многоженство является характерным для древнетюркской картины мира. Глубоко символично, как Кюльтегин защиту своей земли, орды связывает, прежде всего, с защитой своих многочисленных матерей: «*Кюльтегин сев на белого Огиза, заколол девять мужей и не отдал орды! Моя мать-катун и вы, идущие за нею (по знатности) мои сводные матери (т.е. другие жены отца Бильге хана), мои тетки (или вообще старшие родственницы?), мои невестки (или вообще младшие родственницы?), мои княжны, сколько (вас) ни было, все вы были в опасности (или), оставшись в живых, попасть в рабство, (или), будучи убитыми, остаться лежать на земле и на дороге!*» [3, с. 43].

Данная пропозиция является эмотивно окрашенной по своей тональности, и содержит важную гендерную информацию [6]: во-первых, подчеркивается значимости *матери-катун*; во-вторых, есть информация о полигамности кагана (*сводные матери или другие жены*); в-третьих, имеется социально-возрастная иерархия, типичная для древнетюркского женского сословия, где на первом месте – царица-катун, затем другие жены кагана и старшие родственницы, затем замужние молодые женщины, и, наконец, девушки не замужние.

Многоженство как факт древнетюркского социума запечатлели енисейские рунические тексты: 1) *Мои супруги, мои сородичи – я разлучен с вами, печально и горько!* [5, с. 38]; 2) *[Я –] Бынг Ачук...*

(Мои) **супруги** на женских покоех ... Я разлучился (с вами), о жаль мне [5, с. 62]; 3) «Во имя **его десяти жен** и девяти сыновей я водрузил (этот) памятник Чаб Шатун-тархану» [5, с. 94]; 4) «Мой простой [народ ... **мои супруги в женских покоех**], мои родные сыновья...» [5, с. 115]; 5) «**Мои супруги**, мои сыновья – я перестал видеть и слышать вас. Моя страна... я» [5, с. 259].

Социальное неравенство женщин отражает слово **egät** (от -ek «возделывать, обрабатывать», первоначально землю) – служанка, которую посылают прислуживать невесте в первую брачную ночь [3, с. 528]. В древнетюркских памятниках встречается много производных дериватов от этого слова: **egätlä** «давать служанку», **egätlan** «обзавестись служанкой», **egätlig** «обеспечивать служанкой», **egätlikqarabaş** «служанка и другие» [7, с. 165]. На последнем месте в социальной иерархии находятся **qurqun**, **kün** наложницы и женщины-рабыни, плененные во время походов и сражений: 1) «Я добывал **наложниц**...» [4, с. 62]; 2) «Мои сородичи мужского потомства, три мои сродственницы, мои сородичи женского потомства, **три наложницы**...» [4, с. 247]; 3) «С пятнадцати лет я ходил на табгачского хана. Благодаря моей доблести мужа-воина отвагой приобрел я золото и серебро, верблюдов, **наложниц**» [4, с. 273]. Глаголы «приобрел», «добывал» подчеркивают социальное бесправие наложниц-рабынь, которые становились обезличенной собственностью хозяина, как вещь или любой другой предмет собственности. Поэтому наложницы описываются в контексте с верблюдами, золотом и серебром.

Резюмируя изложенное, следует отметить, что в XX веке и в настоящее время у ряда современных тюркоязычных шаманистских народов Саяно-Алтая (сагайцев, шорцев, бельтиров, шорцев, хакасов) и у мусульманских народов Средней Азии (киргизов, узбеков, казахов) сохраняется культ Умай как богини-матери и плодородия, хранительницы семьи и очага. Современные тюркские женщины, в т. ч. и казашки, несмотря на многогранную трудовую и общественную деятельность, главное предпочтение отдают своей семье, воспитанию детей, сохранению традиций и обычаев.

Литература

1. Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников / пер. М. Жолдасбекова, Н. Шаймердиновой и др. Астана, 2006.
2. По следам Мессершмидта: библиогр. пособие / сост. Е. А. Баранова, Н. И. Куюкова. Абакан, 2011.
3. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М, 2006.
4. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.-Л., 1951.
5. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. М., 1997.
6. Шаймердинова Н. Г. Древнетюркская картина мира в текстах письменных памятников. Астана, 2007.
7. Древнетюркский словарь / ред. В. М. Неделеяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л., 1969.